

Академик РАН А.В. Петриков.

Тезисы выступления на «круглом столе» ОНФ и РССМ «Развитие сельских территорий России: роль национальных проектов и необходимость новых подходов» (ОНФ, 16.12.2019).

Уважаемый председатель!

Уважаемые коллеги!

Спасибо за приглашение и возможность выступить!

Инициатива ОНФ и РССМ провести общественный мониторинг реализации национальных проектов на сельских территориях имеет большое значение, так как в отчетности ведомств, осуществляющих проекты, если судить по Методикам расчета показателей национальных и федеральных проектов (программ), реализуемых в рамках исполнения майского Указа Президента Российской Федерации, **сельская местность не выделена**, кроме, естественно, Госпрограммы комплексного развития сельских территорий.

В своем выступлении я хотел остановиться именно на этой программе. Она, как известно, стартует с 1 января 2020 года, но уже сейчас, в рамках мониторинга РССМ, выявилось ряд рисков программы.

1. Программа построена по проектному принципу на основе многоканального финансирования с использованием бюджетного и внебюджетного финансирования (впрочем, как и предшествующая программа по устойчивому развитию сельских территорий). С одной стороны, это хорошо: стимулируется участие в программе хозяйствующих субъектов и граждан. Но, с другой стороны, непонятно, какие средства будут выделены на село по нормативному принципу из бюджетов инфраструктурных ведомств (за исключением Минздрава и отчасти Минкульта), чтобы удовлетворить базовые потребности сельских жителей. Тем более, что госпрограммы развития образования, здравоохранения, культуры и т.д. почти на 100 % финансируются из государственного бюджета, в то время как в госпрограмме

комплексного развития сельских территорий доля госбюджета составляет 54%.

2. Непонятно, почему в госпрограмму включены города до 30 тысяч населения, в то время как реализуется национальный проект «Жилье и городская среда». Единственный аргумент разработчиков - в том, что в малых городах получают услуги и сельские жители, но ведь селяне обслуживаются и в областных центрах, и даже в Москве, но это не значит, что их надо включать в сельские программы.

3. При отборе проектов комплексного развития (см. Приказ Минсельхоза России от 18.10.2019 N 588) не учитываются социально-культурный и экологический потенциал сельских поселений, а также степень обеспеченности населения объектами социальной и инженерной инфраструктуры. Предпочтение отдается приросту рабочих мест, доле трудоспособного и занятого населения, удельному весу внебюджетного финансирования, большие объемы которого может обеспечить крупный бизнес. Т.е. велик риск того, что программа превратится в инфраструктурное сопровождение развития крупного бизнеса, а не комплексного развития территорий.

4. В программе, не предусмотрены меры по развитию сельских населенных пунктов, выполняющих функции центров межселенного обслуживания, включая создание в них социальной и инженерной инфраструктуры для обеспечения социальных стандартов не только проживающему в нём населению, но и жителям прилегающих территорий. А такие межселенные центры выполняют ключевую роль в сельском расселении, на них держится весь его каркас. Не случайно специальные меры по их поддержке содержатся в программах развития сельских территорий Беларуси и Казахстана. В Беларуси с 2005 по 2018 год строились т.н. агрогородки; в Казахстане с 2013 г. – опорные сельские населенные пункты.

5. Программа не содержит прямых мер по развитию несельскохозяйственной занятости на селе, в том числе, льготных кредитов на несельскохозяйственный бизнес для сельскохозяйственных организаций и фермеров, например в области лесного хозяйства и лесной промышленности. В то время как сельских программах ЕС есть целый ряд таких мер, в частности, по насаждению лесов, организации аграрных и лесных систем, улучшению их жизнеспособности, по охране лесной среды, переработке и сбыту лесохозяйственной продукции. В лесной России такие меры отсутствуют.

В заключении несколько слов о целевых показателях программы. Одна из главных её целей – сохранение на уровне 25,3 % удельного веса сельского населения. Но это возможно и при сокращении его численности. И вообще соотношением городского и сельского населения, да и их численностью можно управлять при помощи чисто административных мер, например, путем перевода сельских поселений в городские округа и наоборот.

Возникает вопрос, почему в качестве ориентира программы не принять сокращение сельской миграции?

Второй целевой индикатор – уменьшение разницы между среднемесячными располагаемыми ресурсами сельских и городских домохозяйств. Но при этом неясно, как сократится сельская бедность? Можно предположить, что всё-таки она уменьшится, но насколько? А ведь именно бедность – главная социальная проблема на селе.

И последнее, для стабильности сельской политики необходимо принятие федерального закона об устойчивом развитии сельских территорий. Ведь еще недавно мы были свидетелями того как снижался статус мер в области сельского развития: сначала это была федеральная целевая программа по устойчивому развитию сельских территорий, потом она превратилась в подпрограмму, затем ведомственную программу. Это усиливало риски переброски средств на другие цели, приводило к

уменьшению объемов финансирования в реальном (без учета инфляции) исчислении.

Важно также определить в законе само понятие сельских территорий, сельских населенных пунктов, которое сейчас в федеральном законодательстве отсутствует, поэтому есть соблазн отнести к сельской местности и города. Далее следует установить, что сельская политика является предметом межведомственного взаимодействия, а не полномочием только Минсельхоза России, как записано в федеральном законе «О развитии сельского хозяйства» сейчас. И самое главное прописать гарантии государственной поддержки села, чтобы это не зависело от позиции Минфина России.

Благодарю за внимание!